

ОТЗЫВ
официального оппонента

о диссертации А.Н. Таушевой «Вариативность глагольных профилей текста»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Работа А.Н. Таушевой, как об этом пишет сама Александра Николаевна, «выполнена в парадигме традиционной вариационной (квантитативной) социолингвистики» и посвящена употреблению глаголов в спонтанных монологических текстах. При этом использование глаголов «рассматривается с трех точек зрения: 1) как насыщенность речи глаголами; 2) как частота реализации конкретных грамматических значений глагола в текстах разного типа; 3) как вариативность частотности грамматических значений глагола в зависимости от социальных параметров авторов текстов» (с. 4). «Распределение частот грамматических категорий, реализованных в формах глагола в текстах одного типа», трактуется в данном исследовании как «глагольный профиль текста» (с. 5).

Можно сказать, что рецензируемая работа состоит из двух частей: (1) чисто лингвистическая, связанная с анализом этих самых глагольных профилей монологических текстов двух типов, реализованных каждый в двух формах; и (2) компьютерно-лингвистическая, или квантитативно-социолингвистическая, связанная с подсчетами, корреляциями и установлением статистической значимости всех полученных количественных данных и зависимостей. Все это, во-первых, свидетельствует о полном соответствии работы паспорту научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, а также, во-вторых, о теоретический и практической значимости полученных результатов и целесообразности и актуальности поставленной автором цели: выполнить «многоаспектный анализ частоты реализации грамматических значений глаголов в устном и письменном текстах, построенных как монологи по изображениям разного вида (несюжетному и сюжетному), с учетом социальных характеристик авторов текстов» (с. 7). Будучи специалистом в чистой лингвистике, я буду говорить в основном об этой стороне рецензируемой работы. А будучи одним из создателей того корпуса монологической речи, по модели которого А.Н. Таушева собирала и свой исследовательский подкорпус, а также автором или руководителем большинства (или, по крайней мере, многих) исследований, на которые ссылается А.Н. Таушева в этой части своей работы, я могу с уверенностью говорить и о её научной новизне, поскольку под таким углом зрения спонтанные монологические тексты (по крайней мере, устные) еще определенно не рассматривались.

Гипотеза, сформулированная А.Н. Таушевой в начале работы и рассредоточенная по 4-м положениям, вынесенным на защиту, заключается в том, что использование грамматических значений глагола (как вершины высказывания в устной речи, определяющей динамику текста) зависит от совокупности факторов: вид текста (сюжетный / несюжетный), форма текста (устная / письменная), а также социальные характеристики автора текста (пол, возраст и уровень образования). Считаю, что все эти положения в работе успешно и аргументированно доказаны, обзор литературы сделан тщательно и грамотно, проанализированный материал вполне репрезентативен, а использованный инструментарий (в частности, программа «Семограф») интересен и современен. 24 информанта, 96 монологов, 108 минут звучания, 14 309 словосочетаний, 2 133 глагольных формы – все эти цифры говорят сами за себя. Поэтому я не буду пересказывать содержание работы, отмечу только еще несколько положительных моментов, которые произвели на меня впечатление, а затем перейду к вопросам и замечаниям, которые у меня возникли в процессе знакомства с текстом.

Так, работу А.Н. Таушевой отличает **методологическая грамотность**. В ней подробно описан и алгоритм записи материала, и алгоритм дальнейшего его анализа. Запись устных и письменных монологов производилась с большим (не менее двух недель) временным промежутком, что обеспечило получение именно двух разных форм описания одного и того же изображения. Нет сомнения, что если бы эти два задания информанты выполняли сразу, одно за другим, то могло случиться так, что в письменной форме они уже не описывали бы изображение, а просто повторяли бы и фиксировали то, что только что произнесли. Такой опасности – благодаря правильной методике сбора материала – А.Н. Таушева благополучно избежала.

И еще один плюс работе. Глагольный профиль в рецензируемом исследовании строится не для отдельного глагола, а для определенного типа текста или группы текстов, порожденных информантами с определенными социальными характеристиками. Таким образом, А.Н. Таушева в ходе работы учитывала одновременно множество факторов, что, по себе знаю, очень трудно. Поэтому автору и понадобились статистические методы анализа материала, что я всячески приветствую. Поэтому выводы, приведенные в третьей главе работы, можно считать **достоверными и обоснованными**.

Нельзя не отметить также, что все это множество данных, которые стали результатом большого и кропотливого труда исследователя, представлены в работе очень наглядно: во множестве таблиц (числом 23) и рисунков (числом 67).

Ну, а теперь вопросы и замечания.

1. В начале первой главы, рассматривая основные теоретические положения, необходимые для дальнейшего анализа эмпирического материала, А.Н. Таушева противопоставляет три типа речи: устную, письменную и внутреннюю (с. 12). И сразу же оговаривает, что **внутреннюю речь** она далее рассматривать не будет, так как «эта разновидность речи не имеет отношения к настоящему исследованию». Однако в наших исследованиях подобного материала, в частности, в работе Н.С. Филипповой, на которую А.Н. Таушева активно ссылается, подробно рассмотрено не только **собственно описание** (то, что информант *видит* на изображении), но и то, что он *думает* по этому поводу (**комментирование** описания, ср.: *но он / у нас пейзажист был* [о Шишкине] *так что в общем что с него взять*) или по поводу того, как у него это описание получается (**метакоммуникация**, ср.: *я много не умею говорить / могу красиво молчать; что бы ещё вам такого описать?*). Метакоммуникации (то есть вербализации этой самой внутренней речи) в монологах-описаниях, как сюжетных, так и несюжетных, по нашим данным, очень много, и глаголов в таких фрагментах тоже много. Справедливо ли было изъять такой материал из пользовательского подкорпуса? Тем более что, пожалуй, очевидно, что подобные метакоммуникативные вставки встречаются только в устной форме монологов и вряд ли – в письменной. При сохранении этого материала у автора появился бы еще один аспект сравнения рассматриваемых типов текстов.

2. Связан с этим и еще один вопрос о типах речи. Сегодня уже невозможно обойти вниманием факт существования **устно-письменной речи**, сочетающей черты устной и письменной форм. Скорее всего, именно этот тип не имеет отношения к исследованию А.Н. Таушевой, хотя упомянуть его в первой главе работы как раз, думаю, стоило.

3. Как считались оборванные или повторенные формы глагола? Известно, что обрывов (иногда неоднократных) и повторов (может быть, тоже неоднократных) в спонтанном монологе бывает много – это две разновидности хезитационных явлений, без которых не обходится никакая устная речь. Случались такие обрывы и повторы, вероятно, и на глаголах, если говорящий «спотыкался» именно на них. Вошли ли они в статистику?

4. Как вообще считался объем текста в словоупотреблениях? Что принималось за словоупотребление?

5. Учитывались ли в ходе анализа переносные значения глагольных форм? Например, настоящее историческое, т. е. настоящее в значении прошедшего (*Иду я вчера по улице...*), или финитный глагол в значении императива (*Сел быстро! Пошёл отсюда!*), и т. д.

6. Отдельный вопрос – про формы 1 лица ед. ч.: это действие говорящего/пишущего (информанта) – или героя описания? Важно ли это для создания глагольного профиля текста?

Вызвал нарекания и список литературы, который назван почему-то «библиографическим» (известно, что использованная в работе литература и библиография вопроса – это совсем не одно и то же) и в котором не разграничивается собственно научная и справочная литература. К последнему типу я бы отнесла, например, «Анкету аспектологического семинара» и «Большой толковый словарь русских глаголов» Л.Г. Бабенко. Может быть, и что-то еще.

Отмечу далее, продолжая отзыв об исследовании, что объем научной литературы, которую проработала и описала А.Н. Таушева, достаточно большой и составляет 329 наименований, в том числе 86 – на английском языке.

Рецензируемая работа прошла вполне достаточную *апробацию*: основные ее положения и результаты докладывались автором на 9 научных конференциях разного ранга и представлены в 13 публикациях, среди которых 3 – в изданиях из списка, рекомендованного ВАК РФ.

В целом очевидно, что диссертационная работа А.Н. Таушевой «Вариативность глагольных профилей текста» производит очень хорошее впечатление, все высказанные вопросы и замечания отнюдь не снижают этого впечатления, работа полностью соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент –
Наталья Викторовна Богданова-Бегларян
доктор филологических наук
по специальности 10.02.01. Русский язык,
профессор,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

09.06.2025

ПОДПИСЬ РУКИ
Богдановой-Бегларян Натальи Викторовны
УДОСТОВЕРЯЮ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Сведения об организации:
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11
Тел.: +7-812-328-20-00
E-mail: spbu@spbu.ru

Я, Наталья Викторовна Богданова-Бегларян, даю согласие на включение моих персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшую обработку.

